

И. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

К 200-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОЙ МАРИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ

В истории развития марийской письменной культуры важное место занимает XVIII век. В этот период возникли миссионерские школы для марийских детей, вышли первые книги о марийцах с включением языкового материала (Г. Миллер, И. Фишер, И. Фальк), были созданы первые рукописные словари, марийские слова включил в свой многоязычный словарь П. Паллас, появились первые стихотворные тексты на марийском языке (1769, 1782, 1795) и, наконец, увидела свет первая марийская грамматика.

В ряду названных письменных памятников особое место принадлежит первой грамматике марийского языка, изданной в 1775 году в Петербурге под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка». Автором ее многие исследователи считают казанского архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича (1706—1782). Для своего времени он был образованным человеком. Воспитываясь в смешанной семье (отец — украинец, мать — полька), В. Пуцек-Григорович с детства пристрастился к языкам, продолжал занятия над ними в Киевской духовной академии. С марийцами и их языком В. Пуцек-Григорович познакомился в первый период своей деятельности в Казани в 1732—1744 годах. После службы в различных епархиях в 1762 году он вновь возвратился в Казань, тогда и занялся более основательно марийским языком.

Однако об авторстве грамматики среди исследователей еще нет единства мнений. Так, в предисловии к ее американскому переизданию высказывается сомнение относительно единоличного авторства В. Пуцек-Григоровича и предполагается, что работа составлена неизвестным автором под его руководством. Такое утверждение, надо полагать, близко к истине. Однако так или иначе причастность В. Пуцек-Григоровича к созданию грамматики несомненна. Вполне вероятно, что грамматику составил его ученик-мариец (а скорее всего даже не один), хорошо знавший свой родной язык и обладавший несомненным лингвистическим чутьем. Об этом свидетельствуют довольно точные языковые материалы и факт использования данных многих диалектов. Сам же В. Пуцек-Григорович, по всей вероятности, осуществлял общее научное руководство подготовкой всех трех грамматик (марийской, удмуртской и чувашской).

Достоинства и недостатки грамматики как первого издания подобного рода разбирались многими исследователями. В данной заметке коснемся только ее значения с точки зрения развития письменности и литературного языка.

Почти аксиомой стало связывание возникновения письменности у разных народов с распространением религии. От одного народа к другому вместе с религией переходили, как правило, и графические системы. Не составила исключения в этом отношении и марийская письменность. И автор грамматики, конечно же, использовал для нее русскую графическую систему.

В грамматике не приводится марийский алфавит в виде перечня букв. Но его можно составить по транскрипциям. Здесь, однако, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, автор без попыток особого углубления в природу марийской фонетики употребил все буквы русского алфавита без исключения, но, с другой, явно чувствуется стремление к приспособлению русского алфавита для марийского языка. Это, в частности, выразилось во введении специальных знаков для

обозначения специфических марийских звуков: *ng* — для заднеязычного носового *ŋ* (*онга* 'доска', *меранг* 'заяц'), *g* — для фрикативного *ɣ* (*ага* 'пашня', *шога* 'соха'), *iö* — для *ö* (*пютиö* 'пост', *миöр* 'землянка'), *iö̂* для *ü* (*ию̂пъ* 'волос', *ию̂юра* 'мош-кара'). Однако употребление названных знаков еще не последовательно. Автор не различал, например, звук *ŋ* и сочетание *ŋg* (*оланге* 'окунь'), что в марийском языке не одно и то же; наряду с *g* он употреблял и букву *g* (*шоганъ* 'лук'), для обозначения *ü* использовал, за исключением абсолютного начала слова, букву *ю* (*кю* 'камень') и т. д.

Конечно, транскрипция грамматики страдает рядом неточностей (употребление ненужных букв *ѣ*, *i*, обозначение редуцированного звука *ы*), но это не удивительно: вполне естественно, что русская графика и орфография оказали на составителя сильное влияние. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что транскрипция грамматики в целом довольно совершенна. Очень точно отражены в ней лабиальная гармония (*кудо* 'дом', *пидгид* 'дуга'), отсутствие оглушения звонких щелевых согласных *ж*, *з* в конце слова (*мардежъ* 'ветер', *кожъ* 'ель'), передача согласных звуков, оформленные числительных и т. д.

Известную ценность с точки зрения истории языка и письменности представляет лексический материал грамматики. В списках, приложенных к ней, приведено около 1000 слов, распределенных по частям речи. Наиболее полно представлены существительные и глаголы. Большая часть из них известна и в современном языке. Немало среди них, однако, и таких, которые в настоящее время либо перешли в разряд архаизмов, либо изменили свои значения, например: *сукъ* 'порука', *цапкынъ* 'почтарь', *лепшъ* 'колыбель', *тиöря* 'судья' (совр. 'начальник'), *ньогаръ* 'слуга' (совр. 'малыш') и т. д.

Лексика грамматики четко отражает и начинавшийся тогда процесс заимствования из русского языка: *жара* < *заря*, *пичаль* 'ружье' < *пицаль*, *ужаба* < *жаба*, *туякъ* ~ *тияк* < *дьяк*, *окна* < *окно*, *киняга* < *книга*. Однако круг русских заимствований, судя по словарю грамматики, в XVIII веке был не широк и ограничивался существительными.

Лексический материал представлен разнообразными по составу словами. Встречаются здесь и производные, созданные составителями. Особо продуктивен суффикс *-маш* (*лиштывашъ* 'творение', *шиндзымашъ* 'знание', *туналымашъ* 'начинание', *инянымашъ* 'вера'). Списки слов содержит также сложные образования. Доминирует здесь подчинительное словосложение: *кечелекмашъ* 'восток', *кечевозалмашъ* 'запад', *шиндзапунъ* 'ресницы', *каикъ-онъ* 'орел' и т. д. Некоторые из них созданы составителями. В то же время следует отметить, что авторы не дошли еще до понимания сути сложных образований в марийском языке, поэтому многие сложные слова поданы как словосочетания (*конъ шудо* 'лебеда', *штеръ вошторъ* 'метла'). И это не удивительно, ведь до сих пор природа марийских сложных образований окончательно не понята.

В развитии марийской письменности и литературного языка грамматика 1775 года сыграла особую роль. Она знаменовала собой начало книгоиздательства на марийском языке. Заметно повлияла она и на пробуждение интереса к марийскому языку. Несмотря на то что этот интерес был связан только с христианским просвещением, уменьял его значение для возникновения и развития литературного языка было бы неверно. Грамматика как бы дала импульс для издания книг на марийском языке, поэтому ее можно в определенном смысле рассматривать как памятник литературного языка, однако с той оговоркой, что она лишь оказала благотворное влияние на его возникновение в последующие годы, т. е. способствовала созданию условий для его появления. К литературному языку как явлению общественно-историческому нужно подходить исторически, только такой подход даст возможность правильно оценить значение и роль грамматики 1775 года в его становлении.

Бесспорно, что грамматика оказала существенное влияние на все последующие издания на марийском языке, и прежде всего в отношении орфографии. Заметно чувствуется это влияние в стихотворных памятниках 1782 и 1795 годов, в первых переводных книгах начала XIX века, в переводческой и лингвистической деятельно-

сти А. Альбинского, грамматика которого в отношении алфавита и орфографии по сути дела повторяет первую грамматику, и наконец, в системе Ильминского, значительно приблизившей книжный язык к народному; ею руководствовалась в 70-х годах XIX века переводческая комиссия братства св. Гурия, когда разрабатывала орфографию современного типа.

В грамматике сделан первый шаг в деле нормализации марийской грамматики и лексики. Для ее составления использован в основном языковой материал, относящийся, по современной классификации, к йошкар-олинскому говору. Выбор этого диалекта, который мог быть и случайным (и наверняка случаен), нужно считать весьма удачным, так как данная диалектная разновидность, обладающая некоторыми общими для западных и восточных групп марийского языка чертами, могла бы стать в дальнейшем надежной базой формирования единого литературного языка. Однако грамматический и лексический материал грамматики не совпадает полностью с данными одного диалекта. Автор ее попытался приспособить язык своей книги для носителей многих диалектов путем использования некоторых грамматических форм и лексических данных различных диалектных групп. Например, *нилитъ* 'четыре', *шилижъ* 'поясница', *кубулцо* 'глухая тетеря' взяты из волжского говора, *цонъ* 'душа', *каце* 'парень', *волгонцо* 'молния' и многие другие — из йошкар-олинского, *кече* 'день', *касъ* 'вечер', *пёртгъ-каикъ* 'воробей' — из моркинско-сернурского, *пелякъ* 'подарок', *саська* 'цветок', *мондеръ* 'подушка' — из восточных говоров.

Некоторый отбор языкового материала, его элементарная обработка производились, по всей вероятности, из-за стремления автора сделать свой труд доступным более широкому кругу марийцев — представителям разных диалектов, ибо грамматика предназначалась не только для изучающих марийский язык, но и в качестве учебника для детей-марийцев, обучающихся в миссионерских школах. Грамматика, конечно, не выработала общенародных норм, не узаконила их — для этого не было тогда исторических условий. Тем не менее ее положительная роль в дальнейшем развитии марийской письменности, изучении строя марийского языка несомненна. На протяжении первого этапа развития письменности (до 70-х годов XIX века) она оставалась единственным руководством по марийскому языку для миссионерских издателей книг. Графические особенности, грамматические правила и лексические данные, содержащиеся в грамматике, широко использовались переводчиками и исследователями марийского языка. Являясь учебным пособием не только для русских миссионеров и священнослужителей, но и для детей, отобранных в миссионерские школы, она пробуждала интерес к марийскому языку не у одного поколения миссионеров, стоявших у истоков марийской письменности.

Появление грамматики 1775 года тесно связано с распространением христианства среди марийцев, с потребностью использовать их родной язык как орудие духовного и экономического порабощения трудящихся. Тем не менее ее положительная роль в истории марийской письменности очевидна. Она открыла дорогу ряду книг, изданных впоследствии на начальном этапе развития марийского литературного языка.